

УДК 81'255.2; 811.612.91

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-3-87-98

Анализ особенностей употребления видовых форм в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» сквозь призму их переводных аналогов

Бу Тхи Тьин, Буй Тху Ха ✉

Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете, г. Ханой, Вьетнам

✉ buithuha8887@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям описания глагольного вида в планах семантики и прагматики и осмыслению возможности отражения семантических тонкостей русского глагольного вида средствами изолирующего языка. Исследование направлено на то, чтобы выявить художественный потенциал видовых форм и особенности их функционирования в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души», используя элементы сопоставительного анализа как средство выявления специфических особенностей изучаемого языка. Актуальность работы обусловлена перспективностью выявления специфических черт функционирования форм несовершенного вида глагола (НСВ) и совершенного вида (СВ) сквозь призму вьетнамского языка – языка иной типологии, чем русский, которые не вполне очевидны в рамках «монографического» (внутриязыкового) анализа. Материалом послужили оригинал гоголевского произведения «Мертвые души» и его переводная версия (были извлечены 1633 примера и такое же количество вьетнамских эквивалентов). В работе применены общенаучные методы, включающие обобщение, сравнение, классификацию материала. Проанализированы текстообразующие функции видовых форм, выявлены специфические черты авторской манеры в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» – установка на обобщение, которая наиболее ярко воплощается в описаниях и лирических отступлениях. Установлены некоторые закономерности использования языковых средств передачи тончайших семантических оттенков русского глагольного вида в переводном варианте видовых форм на вьетнамский язык. Выявлены и осмыслены «достижения и утраты» переводчика. Сопоставительный анализ видовых значений в русском художественном тексте и его эквивалентных единицах в переводной версии на вьетнамский язык позволил определить, что для реализации частных видовых значений глаголов НСВ контекстное окружение играет большую роль, чем для значений СВ. Поэтому в оригинальном художественном тексте первые чаще используются в «сильных» контекстах, содержащих средства внешнего синтаксиса, которые выступают в роли актуализаторов аспектуальных характеристик глагольного действия; вторые – в «слабых» контекстах, не имеющих подобных элементов. Эта функциональная особенность играет существенную роль для выбора способа трансляции видовой семантики НСВ и СВ во вьетнамский. **Ключевые слова:** видовые значения, видовые формы, вьетнамский язык, контекст, нарратив, семантические компоненты, трансляция, сопоставительный анализ, ссемантический признак, функционирование.

Для цитирования: Бу Тхи Тьин, Буй Тху Ха. Анализ особенностей употребления видовых форм в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» сквозь призму их переводных аналогов. *Вестник СВФУ.* 2024, Т. 21, № 3. С. 87–98. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-3-87-98

Analysis of the peculiarities of aspectual forms in Nikolai Gogol's poem "Dead Souls" through the prism of their translated analogues

Vu Thi Chin, Bui Thu Ha ✉

VNU University of Languages and International Studies, Hanoi, Vietnam

✉ buithuha8887@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of the verbal description in terms of semantics and pragmatics aspects. It is also devoted to the comprehension of the possibility of reflecting the Russian verbal semantic subtleties in an isolating language such as Vietnamese. The research is aimed at revealing the semantic potential of verb forms and the peculiarities of their functioning in Gogol's poem "Dead Souls". The comparative analysis is used to reveal the specific features of Russian language. The relevance of the work is related to the prospect of revealing through the Vietnamese language such specific semantic features of imperfective and perfective verbs, which are not quite obvious within the framework of "monographic" (intralinguistic) analysis. The material was the original of "Dead Souls" – the famous work by Nikolai Gogol, and its translated version (1633 examples and the same number of Vietnamese equivalents were extracted). Scientific methods including generalisation, comparison, classification of the material were applied in the work. The text-forming functions of aspectual forms have been analysed. The specific features of the author's manner in "Dead Souls" such as the attitude to generalisation, which is most vividly embodied in descriptions and lyrical digressions, have been revealed. Some regularities of using the linguistic means allowing the translator to convey the subtle semantic shades of the Russian verb form in Vietnamese, have been established. The translator's "achievements and losses" are revealed and comprehended. The comparative analysis of aspectual meanings in the Russian narrative text and its equivalents in the Vietnamese translated version allowed us to determine that contextual environment plays a greater role for the realisation of specific aspectual meanings of imperfective verbs in comparison with perfective verb. Therefore, in the original text, the former are more often used in "strong" contexts containing means of external syntax, which act as actualisers of the aspectual characteristics of the verb action; the latter - in "weak" contexts, which do not have such elements. This functional feature plays an essential role for choosing the way of translating the aspectual semantics of perfective and imperfective verb into Vietnamese.

Keywords: aspectual meanings, aspectual forms, Vietnamese language, context, narrative, semantic components, translation, comparative analysis, semantic feature, functioning.

For citation: Vu Thi Chin, Bui Thu Ha. Analysis of the peculiarities of aspectual forms in Nikolai Gogol's poem "Dead Souls" through the prism of their translated analogues. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 3. Pp. 87–98. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-3-87-98

Введение

Проблема толкования выявленных в лингвистической литературе значений НСВ и СВ в рамках целого художественного текста остается значимой. Как отмечает Е. И. Шендельс, исследование глагольных форм не в пределах отдельного предложения, а на уровне текста, способствует более глубокому пониманию видовых и видо-временных глагольных форм и выявлению функций, которые проявляются исключительно на уровне текста [1]. Иначе говоря, в рамках связного текста глагольные формы проявляют специфические черты, отражающие особенность функционирования глагольных видов и времен.

Специфика художественного времени обуславливает ряд особенностей функционирования видовых и видо-временных форм. Выявление этих особенностей в тексте поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» является актуальной задачей, поскольку поэма «Мертвые души» отличается особой композиционной структурой, которая обеспечивает специфику употребления НСВ и СВ. В ней наличествуют авторская оценка, размышления, описательные элементы, вставные эпизоды, которые сбивают «эпический» ход повествования.

В работах, посвященных анализу языка художественного произведения, наблюдения над функционированием видовых форм с различными значениями представляют собой один из способов выявления особенностей построения текста и специфических черт авторской манеры повествования. Также целесообразным является изучение видовой семантики в типологической перспективе, поскольку использование «оптики» одного языка при изучении другого зачастую позволяет выявить и/или переосмыслить факты, оставшиеся за пределами внимания ученых, работающих в рамках других научных парадигм.

Неслучайно в последние десятилетия область типологии вида – изучение различных аспектуальных значений и способов их выражения в разных языках мира – развивается особенно активно. Остается, однако, малоисследованной проблема передачи нюансов значений НСВ и СВ на вьетнамский язык, который принадлежит к иной типологической разновидности по сравнению с русским.

Цель исследования – при сопоставительном анализе уточнить представления о системе частных значений русского вида и охарактеризовать художественный потенциал видовых и видо-временных форм в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». Методы исследования включают в себя систематизацию, сравнение, классификацию материала.

Материалом послужили примеры из оригинального и переводного текстов поэмы «Мертвые души» (1633 примера и такое же количество вьетнамских эквивалентов).

Как известно, употребление видовых и видо-временных форм в художественном тексте подчиняется определенным принципам. Это связано с тем, что в художественном тексте речь отчуждается от ее производителя – субъекта речи. В результате читатель сталкивается с неполноценной коммуникативной ситуацией: он взаимодействует лишь с текстом, а не с его автором, который в свою очередь не имеет синхронного адресата. Все это приводит к изменению правил интерпретации времени и формированию явления художественного времени.

Прошедшее время в художественном тексте не может быть дейктичным, поскольку момент речи не участвует в интерпретации высказывания. Согласно мнению Д. С. Лихачева, И. Р. Гальперина, М. Н. Левченко, Ю. С. Маслова, Е. В. Падучевой, формы прошедшего времени в тексте теряют свою дистанцирующую функцию вследствие того, что при восприятии художественного произведения читатель склонен переноситься во временную плоскость персонажей, психологически воспринимая описываемые события как совершающиеся в момент чтения. Как пишет Д. С. Лихачев, «читатель, осознавая, что он имеет дело с прошедшими событиями, настолько, однако, в них погружается, что начинает чувствовать в известной мере это прошлое своим настоящим. Читатель как бы живет двойной жизнью: своей и читаемого произведения» [2, с. 334].

Следует отметить, что в художественном тексте место момента речи занимает «текущий момент текстового времени», то есть настоящее время персонажей или наблюдателя-повествователя [3, с. 283]. На это «текстовое настоящее время» и ориентированы все видовые формы.

Так, формы прошедшего НСВ при функционировании в тексте теряют свой первичный смысл, не выражая предшествование, и обозначают синхронность текстовому настоящему времени, иначе говоря, «синхронность точке отсчета» [4, с. 11].

Формы прошедшего СВ в художественном тексте сохраняют свое основное значение: они фиксируют ретроспективную точку отсчета: наблюдатель смотрит на событие из его итогового состояния.

В повествовательном тексте цепь форм прошедшего СВ выражает ряд сменяющихся фактов прошлого, в результате чего создается впечатление, что «мысль лишь скользит по прошедшему событию, не останавливаясь» [5, с. 157–158]. А обозначаемые формами прошедшего НСВ действия «лишь размещаются по разным участкам одной временной плоскости, не сменяя друг друга, а уживаясь по соседству, образуя единство картины», причем форма НСВ «указывает в этих случаях на субъективно переживаемый фон другого действия или на сопутствующее ему, включенное в него восприятие» [6, с. 206].

В соответствии с предложенной Б. М. Гаспаровым «метафизической» интерпретацией природы русского глагольного вида, в основе которой лежит учет использования видов в художественной прозе, с помощью СВ говорящий отделяет себя от непосредственного участия в ситуации и смотрит на нее со стороны; выбор НСВ соответствует представлению о действительности как о недискретном временном потоке, в котором границы между отдельными событиями размываются и теряются [7]. Таким образом, формы прошедшего СВ могут характеризоваться как двигатель текстового сюжета, а формы прошедшего НСВ – как остановка в поступательном движении текста, прорисовка фона.

В. А. Плунгян отмечает, что «в русской типологической литературе в последнее время закрепляется тенденция использовать термин *вид* применительно к славянской оппозиции совершенного / несовершенного вида, а термин *аспект* – для описания любых грамматических противопоставлений, принадлежащих данной семантической зоне (так что славянский вид оказывается, вообще говоря, частным случаем универсального аспекта)» [8, с. 380].

Как указывает Ю. С. Маслов, категория аспектуальности в разных языках характеризуется как многообразием внешних форм своего выражения, так и особенностями внутреннего содержания. Те или иные значения протекания и распределения действия во времени конкретизируются и выражаются по-разному в разных языках [9]. Так, в лингвистической литературе вопрос о наличии во вьетнамском языке грамматической категории аспектуальности до сих пор остается нерешенным. М. Grammont, Н. Bouchet, Лэ Куанг Чинь и другие ученые считают, что во вьетнамском языке нет или почти нет грамматики, и, таким образом, категорически отрицают наличие категорий вида и времени.

В. С. Панфилов, например, отождествляет вид вьетнамского глагола со способом действия, отказывая тем самым виду в праве на существование, «... термином “способы действия” принято обозначать категорию глагола, семантически тождественную виду, но лишённую парадигматических противопоставлений широкого охвата» [10, с. 212]. На наш взгляд, вид и способы действия глагола – разные, хотя и смежные, тесно соприкасающиеся феномены. Вид и способ действия – это явления разного порядка, хотя и относящиеся к одной и той же понятийной сфере. Вид является грамматической категорией, а способ действия – словообразовательной.

Существует и другой взгляд на данный вопрос. Н. В. Солнцева утверждает, что «специфика изолирующих языков состоит не в якобы отсутствии в них морфологии – в этих языках обнаруживаются многие морфологические явления, которые можно обнаружить в других языках. Можно сказать, что ничто морфологическое им не чуждо» [11, с. 135]. Авторами статьи принимается именно эта точка зрения.

Согласно мнению Н. В. Солнцевой, специфика категорий вида и времени во вьетнамском языке «состоит в особенностях устройства и функционирования морфологических явлений, а также в особенностях соотношения морфологического уровня с другими уровнями» [11, с. 105].

В «Грамматике вьетнамского языка» (ГВЯ) выделяются продолженный и завершенный вид, которым соответствуют русский несовершенный и совершенный вид. Согласно ГВЯ, значение вида, подобно другим грамматическим значениям, выражается, как это свойственно изолирующим языкам, аналитическим образом, то есть с помощью служебных слов. При этом форма продолженного вида аналогична немаркированной форме глагола. Завершенный вид образуется путем добавления к глаголу продолженного вида специальных служебных слов (*được, rồi, xong, lên, mất, hẳn, ra, thấy, hết* и т. п.), которые характеризуют значение целостности и наличия результата.

Функционирование видовых форм в первой поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и различных коммуникативно-речевых типах

Исходя из необходимости охарактеризовать особенности функционирования глаголов СВ и НСВ в художественном тексте с учетом разнообразия композиционно-речевых форм, представленных в произведении, оценить степень реализации полных парадигм частных видовых значений в конкретном нарративном произведении, осмыслить отдельные переводческие решения как способ постижения закономерностей реализации семантических особенностей русских глагольных видов, авторы предпринимали попытку описать семантику глагольных форм, функционирующих в первой главе поэмы, выявить наличие / отсутствие тенденций, определяющих особенности функционирования глагольных форм с теми или иными аспектуальными характеристиками в различных коммуникативно-речевых типах повествования, и систематизировать имеющиеся лексико-грамматические средства передачи семантики русского вида и времени во вьетнамском языке в рамках «сильного» и «слабого» контекстов.

Из первой главы «Мертвых душ» методом сплошной выборки были извлечены все личные глагольные формы, количество которых составляет 299 единиц. Среди них формы НСВ составляют 44,8% (134 единицы), формы СВ – 44,1% (132 единицы), видо-временные формы – 11,1% (33 единицы).

Все 134 глагольные формы НСВ были распределены в четыре группы с учетом того набора аспектуальных признаков, который их характеризует.

Глаголы первой группы объединяют семантические параметры ‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’ (57 употреблений, 42,5%). Такие глаголы называют конкретное действие в его развитии, которое может быть представлено относительно разных точек отсчета – либо момента речи, либо текущего момента текстового времени, ср.: *И потом еще долго сидел в брчке, придумывая, кому бы еще отдать визит, да уж больше в городе не нашлось чиновников.*

Глагольные формы в таких контекстах реализуют подчеркнуто-длительное значение, таким образом, к исходному семантическому комплексу добавляется признак ‘+ длительность’.

Вторую группу составляют глаголы НСВ, выражающие значение неограниченной повторяемости действия (50 единиц – 37,31%). Ядро значения глаголов, входящих в данную группу, составляют признаки ‘– локализованность действия во времени’ и ‘+ повторяемость’. Временные обстоятельства в этих примерах способствуют выражению значения «повторяющееся действие». Ср.: *Тот же закопченный потолок; та же копченая люстра со множеством висящих стеклышек, которые прыгали и звенели всякий раз.*

В третью группу входят глаголы НСВ, с помощью которых «сообщается о действии (обычно отношении и состоянии), но иногда и о действии, связанном с определенным изменением, (развитием), имеющем неограниченную временную протяженность» [12, с. 610]. В таких случаях признак ‘± локализованность действия во времени’ соотносится с признаком ‘± длительность’ (25 употреблений – 18,65%), ср.: *Он заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких дерев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, в виде треугольников, очень красиво выкрашенных зеленою масляною краскою. Для*

данного примера характерна постоянная данность состояния предмета: *городской сад... состоял из тоненьких дерев*. Это состояние городского сада имеет неограниченную временную протяженность. Следовательно, в подобных случаях говорится о значении постоянного отношения.

Четвертая группа представлена двумя употреблениями (1,4%). Употребление НСВ *обедать* акцентирует самое наличие действия без всякой аспектуальной характеристики. *«Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицеймейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!»*. В семантике выделенного глагола содержатся признаки '– процессность', '– локализованность действия во времени', '– конкретность'.

Исчерпывающий анализ всех случаев употребления личных форм глаголов НСВ, извлеченных из первой главы поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», показал, что они обозначают конкретные, повторяемые, постоянные ситуации; употребление НСВ в значении обобщенного факта не является частотным.

Использование форм глаголов СВ отличается большим единообразием. В рассмотренном фрагменте текста максимальной частотностью характеризуются формы СВ, с помощью которых констатируется наличие концентрированного, целостного факта, локализованного на оси времени и ограниченного пределом (101 из 132 – 76,51%). Эти глаголы выступают в аористическом значении, то есть реализуют набор признаков '+ целостность', '+ локализованность действия во времени', '+ конкретность'. Ср.: *Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой*. Глаголы СВ в данном случае двигают текстовой сюжет вперед.

В остальных случаях (31 употребление) личные формы СВ выражают значения, являющиеся разновидностями конкретно-фактического. В пятнадцати случаях (11,36%) глаголы СВ реализуют перфектное значение, в шести (4,54%) – наглядно-примерное, в шести других (4,54%) – потенциальное, в одном случае (0,75%) – суммарное и в трех случаях (2,27%) – ограниченно-кратное значение.

Таким образом, в поэме «Мертвые души», как и в традиционном нарративе, наблюдается преимущественное употребление глаголов НСВ и СВ в форме прошедшего времени; формы настоящего и будущего в основном используются в прямой речи персонажей, в описательных фрагментах, в авторских рассуждениях и воспоминаниях, в обращении автора к читателям.

Если формы прошедшего СВ указывают на сменяемость действий, то формы прошедшего НСВ – на их одновременность. Другими словами, глаголы-сказуемые в несовершенном виде позволяют описать стремительность последовательных действий или событий, в то время как употребляемые в совершенном виде глагольные сказуемые способствуют созданию спокойного, равномерного тона повествования.

Анализ глагольных форм, извлеченных из первой главы поэмы «Мертвые души», позволяет уточнить представления о своеобразии авторской манеры Н. В. Гоголя. В наиболее явном виде она обнаруживается в тех фрагментах, где представлена конкуренция СВ и НСВ, а также в тех, где самые разные языковые средства, в кругу которых особое место занимают видо-временные формы, работают на выражение идеи генерализации.

В первой главе поэмы «Мертвые души» выявлены 34 случая использования видо-временных форм. Они функционируют при описании ситуаций пространственного, временного и субъектного обобщения (7, 5 и 22 контекста соответственно). Эффект генерализации возникает, как правило, благодаря взаимодействию лексических и грамматических средств.

Значение видо-временных форм ярко выражено в следующем примере: *После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку,*

которую в русских трактирах вместо эластической шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник.

Ситуация представлена в двух планах одновременно: с одной стороны, автор описывает конкретные действия конкретного персонажа в конкретном месте; с другой – переключает повествование в режим характеристики русского быта в целом. Этот эффект достигается в первую очередь сложной игрой грамматических форм: существительное *подушка* имеет в тексте конкретный референт – это тот предмет, который подкладывает себе под спину персонаж; местоимение *которую*, употребленное в форме единственного числа, должно как будто отсылать к этому самому референту – однако на самом деле оно отсылает ко всем предметам такого рода; видо-временная форма *набивают* представляет обозначаемое действие как постоянное, типичное, нелокализованное во времени. Таким образом, одна и та же *подушка* принадлежит и миру Чичикова, и миру русских трактиров вообще.

Субъектные, временные и пространственные показатели обобщения могут быть представлены в одном и том же контексте в разных комбинациях, ср., например: *Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию.*

Частотное употребление видо-временных форм, сочетающихся с разнообразными показателями пространственного, временного и субъектного обобщения, создает специфический для Н. В. Гоголя способ описания, который конструирует особый образ мира: ситуация, разворачивающаяся *здесь и сейчас*, одновременно мыслится автором (и воспринимается читателем) как константная характеристика универсума.

Во второй части анализа предметом исследования являются разнородные сюжетные и внесюжетные элементы поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: лирические отступления, вставные эпизоды, диалоги, описание персонажей. Задача функционально-семантического анализа видовых форм состоит в том, чтобы выявить наличие или отсутствие зависимости между типом текста и характером реализуемых в нем видовых значений. В результате сплошной выборки получено 1375 личных форм глагола.

Важными сюжетными элементами композиции поэмы являются диалоги. Наиболее интересными для анализа представляются беседы Чичикова с помещиками в сценах купли-продажи, а также разговор дамы приятной во всех отношениях с просто приятной дамой. В этих фрагментах зафиксировано 566 личных глагольных форм.

Представляется закономерным, что в 308 контекстах из 566 рассмотренных зафиксированы глагольные формы настоящего несовершенного. Из них в большинстве случаев (261) глаголы обозначают процесс, синхронный моменту речи: *«Мне кажется, вы затрудняетесь?»*, *«С нами крестная сила! Какие ты страсти говоришь!»*. Для реализации такого значения достаточен минимальный контекст без всяких показателей актуальности действия для момента речи. В инвариантном значении НСВ нет указания на предел, поэтому в подобных контекстах глагол может восприниматься только как название действия, протекающего синхронно с моментом речи.

В остальных 258 формах НСВ и СВ различаются значения аориста, имперфекта, значения будущего единичного действия и будущего обобщенного факта, причем аористическое значение – завершенность конкретного действия до момента речи – актуализуется у СВ в 189 случаях. Ср.: – *Скажите! и много выморила?* – *Да, снесли многих.*

Немаловажную роль в поэме «Мертвые души» играет описание персонажей. Фрагменты, в которых содержится портретная и психологическая характеристика главных героев, включают 166 личных глагольных форм.

В 36,7% случаев (61 форма) глаголы используются в обобщенном, атемпоральном значении, значении повторяющегося действия и значении постоянства свойства, состояния. Эти значения могут быть реализованы либо глагольной формой НСВ настоящего и прошедшего времени, либо формой 2-го лица СВ: *Таких людей приходилось всякому*

встречать немало, но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке.

Отбор глагольных форм отражает такую специфическую особенность описательных контекстов, как установка на типизацию. Она проявляется также в частотном использовании выражений типа *есть род людей, есть люди, одна из тех, все те*; введении явных и скрытых сравнений (см. употребительность единиц *такой же (как), так (как)*); употреблении форм 2-го лица в обобщенно-личном значении; лексических показателей повторяемости глагольного действия (*всегда, никогда*).

В остальных 105 контекстах глагольные формы выполняют функцию либо двигателя текстового сюжета (формы СВ), либо прорисовки фона (формы НСВ), реализуя следующие аористическое значение СВ (*Минуту спустя вошла хозяйка женщина пожилых лет – 29 случаев*); имперфектное значение НСВ в единичной длящейся ситуации (*Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую – 48 случаев*); имперфектное значение НСВ в неограниченно-повторяющейся ситуации (*Он даже **никогда** не ездил на поля – 28 случаев*).

Особую композиционно-речевую форму в поэме «Мертвые души» представляют лирические отступления. Хотя эта форма принадлежит нарративу, для нее характерен речевой режим употребления глагольных форм. Субъектом речи в таких случаях является автор-повествователь, который находится внутри потока собственного текущего времени. Характерный для лирических выступлений речевой режим обуславливает специфичность употребления видовых и видо-временных форм. Отобранные для непосредственного анализа лирические отступления содержат 385 глагольных форм. Базовое время в лирических отступлениях – настоящее: оно характеризует 233 из 385 зафиксированных глагольных форм (64%).

Значительное количество этих форм используется в лирических отступлениях, содержащих разного рода описания (описание свободной, разгульной жизни Абакума Фырова и бурлаков, купцов, наработавшихся «под одну, как Русь, песню»; описание оттенков и тонкостей обращения правителя канцелярии; образ дороги). Настоящее НСВ придает таким контекстам особую выразительность и динамичность.

И в самом деле, где теперь Фыров? Гуляет шумно и весело на хлебной пристани, порядившись с купцами. Цветы и ленты на шляпе, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь с любовницами и женами, высокими, стройными, в монистах и лентах...

В большом количестве контекстов употребление словоформ настоящего НСВ выполняет функцию обобщения и генерализации, ср.: *Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда.*

Таким образом, особенности функционирования частных видовых значений в рассмотренных лирических отступлениях связаны прежде всего с субъективным психологическим временем автора, его эмоциональной сферой.

К вставным эпизодам в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» относится повесть о капитане Копейкине и притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче. В названных фрагментах содержится 258 глагольных форм.

Вставные эпизоды, являясь особым композиционным элементом, не обладают какими-то специфическими повествовательными чертами. В рассмотренных вставных эпизодах чередуются диалогический, описательный и повествовательный элементы, внутри каждого из которых глагольный вид имеет специфические функции.

В текстах вставных эпизодов, пользуясь приемом чужой речи, Н. В. Гоголь расцвечивает повествовательную ткань экспрессивными красками речи персонажей. В диалогических отрывках глагольная словоформа настоящего времени способствует реализации настоящего актуального значения, глаголы прошедшего и будущего времени обозначают действие до и после момента речи. В рассмотренных эпизодах очень

часто происходит переключение с прошедшего на настоящее нарративное. Глагольная форма, реализующая значение «настоящее историческое», с одной стороны, оживляет повествование, а с другой – играет роль в структурировании текста. При этом она может описывать одновременные процессы или последовательные события.

Итак, в различных *описательных фрагментах* наблюдается существенное преобладание видо-временных форм в значении настоящего атемпорального над другими формами, выражающими то же значение. Для *лирических отступлений* характерно функционирование форм настоящего НСВ в значении настоящего изобразительного. Полноценная коммуникативная ситуация, конструируемая автором в *диалогических фрагментах*, определяет характер употребления видовых и видо-временных форм: они функционируют так же, как в реальном диалоге. Функционирование глагольных форм во *вставных эпизодах* не обладает специфическими особенностями, поскольку такие эпизоды по своей структуре не отличаются от основного нарратива.

Способы передачи семантики видовых и видо-временных форм в гоголевской поэме «Мертвые души» во вьетнамском языке

Анализ употребляемых вьетнамским переводчиком средств передачи конкретных значений русского глагольного вида в «Мертвых душах» показал, что значения вида и времени глагольных форм отражены во вьетнамском тексте «Мертвых душ» с разной степенью точности. Переводчику удается в переводе максимально передать тончайшие нюансы видовых значений в тех местах, в которых глагольную форму окружают контекстуальные элементы. При отсутствии таких единиц переводчику необходим поиск лексико-грамматических показателей вьетнамского языка, которые способствуют наиболее точному описанию действия. В переводе обнаружены и случаи неадекватной передачи видовой семантики, связанные с отсутствием подходящих лексико-грамматических средств вьетнамского языка.

В «сильных» контекстах благодаря разного рода лексическим средствам важнейшие компоненты аспектуальности сохраняются в переводе. Так, семантический элемент ‘+ процессность’ выражается словами и выражениями, указывающими на то, что действие разворачивается в течение какого-то времени: *минуты две* → *trong khoảng hai phút, постоянно* → *vãn*. Например:

*Он, заложивши руки назад, глядел на них **минуты две** очень внимательно.*

*‘Tsisisikôp, tay chấp sau lưng, chăm chú nhìn **trong khoảng hai phút** những đôi lứa lướt qua trước mặt’.*

Очень часто наблюдаются случаи, когда переводчик добавляет к временным обстоятельствам специализированные видовые и невидовые показатели, способствующие актуализации аспектуальных характеристик глагольной формы. Ср.:

*И потом (Чичиков) еще **долго сидел** в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит.*

*Sau đó, ngồi trong xe, y **còn** nghĩ **mãi hồi lâu** xem còn ai có thể đến thăm nữa không.*

Наречие *долго*, сохраненное в переводе, само по себе обеспечивает описание ситуации как продолжающейся. Переводчик использует также лексический показатель длительности *mãi*.

Передача частных видовых и видо-временных значений в переводе на вьетнамский язык представляется наиболее сложной в таких случаях, в которых оригинальный текст не содержит средств контекстуальной поддержки аспектуальных особенностей глагола. В таких случаях необходимы специализированные показатели вьетнамского языка, подчеркивающие завершенность / незавершенность действия, описываемого глагольным предикатом. Ср.:

Вельможа тотчас его узнал.

*‘Bộ trưởng nhận **ra** hắn ngay’.*

Видовой маркер *ra* в вышеприведенном примере характеризует действие как результативное.

В следующем примере с помощью слова *đến* эксплицитно выражается семантика приставки *v* в составе глагола *vъехать*.

Kогда экипаж vъехал на двор, господин был встречен трактирным слугою.

Xe vào đến sân; ra đón khách là một người hầu.

Случаи употребления НСВ в «слабых» контекстах для передачи признака процессности не поддаются типизации.

Во многих оказывается невозможным дать вьетнамскому читателю адекватное представление об изображаемой ситуации и характере взаимодействия участвующих в ней персонажей. Можно предположить, что такое межъязыковое несоответствие вытекает не только из различий в грамматическом строе двух языков, но и из специфики картины мира их носителей. К ним относятся случаи передачи конкуренции видов (а), наглядно-примерного значения (b) и значений видо-временных форм (с).

(а) «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо ... в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой».

(b) Француз или немец ... почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым.

(с) Дождлся у подъезда, не пройдет ли еще какой проситель, и там с каким-то генералом, понимаете, проскользнул с своей деревяшкой в приемную. Вельможа, по обыкновению, выходит: «Зачем вы? Зачем вы? А! – говорит, увидевши Копейкина, – ведь я уже объявил вам, что вы должны ожидать решения».

Для переводчика комбинация форм НСВ и СВ **сказать – отвечать** в примере (а) представляет крайне сложную задачу, поскольку и глагол СВ, и глагол НСВ здесь обозначают конкретные целостные действия, последовательно сменяющие друг друга. При буквальном переводе такое сочетание оказывается семантически аномальным, так как грамматические особенности вьетнамского языка вынуждают интерпретировать описываемые события, с одной стороны, как одновременные, а с другой – как последовательные, что не может не восприниматься носителем вьетнамского языка как противоречие. В переводе используются только глаголы СВ, которые концептуализируют описываемую ситуацию как ряд сменяющих друг друга динамических актов: сказать – ответить. Те прагматические эффекты, которые порождаются в русском оригинале столкновением разновидных форм, оказываются естественным образом утраченными.

В переводе контекстов, в которых глаголы СВ реализуют наглядно-примерное значение, используется слово **vãn** и устойчивая конструкция **lúc nào cũng**, выступающая в качестве контекстуального средства выражения параметров '+ повторяемость', '- локализованность действия во времени'. Семантический компонент '+ целостность', однако, не находит выражения в переводном варианте. Следовательно, действие, описываемое формой СВ, передано в переводе на вьетнамский язык глаголом НСВ и рассматривается как относящееся к ряду незаконченных повторяющихся актов.

Тонкие нюансы взаимодействия видового значения глагола СВ и значения формы настоящего времени в примере (с) утрачены в переводе. Переводчик во всех случаях использует предикаты СВ: **chờ được** 'дождаться', **lên vào được** 'проскользнуть', **buộc vào** 'войти', **kêu lên** 'сказать', **nhìn thấy** 'увидеть', **đã cất nghĩa** 'объявить' для описания цепи последовательных действий, каждое из которых является единичным, достигшим своего внутреннего предела.

Таким образом, существуют многие случаи неадекватного отражения видовой семантики русского глагола средствами другого языка. Как представляется, даже в случае правильного понимания переводчиком содержания текста нередко оказывается сложным найти единицы, способствующие передаче тончайшей смысловой (прагматической, дискурсивной) специфики, порождаемой игрой автора с глагольными формами.

Заключение

Попытка сквозь призму вьетнамского языка понять семантические тонкости СВ и НСВ демонстрирует сложность категории вида, приводящей к неоднозначности трактовок, и непростое взаимодействие аспектуальных и темпоральных характеристик глагольного слова, и обусловленность видовых значений контекстом, и многое другое.

Сплошной анализ глагольных форм, извлеченных из первой главы поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», позволяет оценить степень реализации полных парадигм частных видовых значений в живом, конкретном тексте и охарактеризовать художественный потенциал различных видовых форм. Можно констатировать, что автор, с одной стороны, следует общим принципам употребления таких форм в нарративе (используя конструктивный потенциал НСВ и динамические, текстообразующие потенции СВ), с другой – демонстрирует своеобразие в отборе и организации языковых средств.

Исследование функционирования глагольной лексики в составе различных коммуникативно-речевых структур дает возможность осознать, каким образом воля автора, его коммуникативное намерение и манера повествования влияют на реализацию частных значений видов. Установлено, что специфическая черта гоголевской повествовательной манеры – установка на обобщенность – ярче всего воплощается в описаниях и в лирических отступлениях. В таких фрагментах употребляются преимущественно формы НСВ и видо-временные формы, реализующие значение постоянного отношения и атемпоральное значение. Обеспечивая выражение идеи генерализации, такие формы (наряду с другими языковыми средствами) конструируют особый образ мира, в котором отдельное и зачастую незначительное бытовое событие может оказаться некоей универсальной константой русского бытия.

Рассмотрение категории вида русского глагола в зеркале вьетнамского языка позволило по-новому взглянуть на данную категорию: для того, чтобы реализовать то или иное значение, глаголы НСВ нуждаются в окружающих его контекстуальных средствах. СВ, будучи маркированным членом видового противопоставления, для реализации своих частных значений не нуждается в элементах, проясняющих аспектуальную характеристику, т. к. инвариантный семантический компонент ‘целостность’ СВ передается даже в условиях минимального контекста.

Литература

1. Шендельс, Е. И. Практическая грамматика немецкого языка / Е. И. Шендельс. – Москва : Высшая школа, 1979. – 396 с.
2. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – [3-е изд.]. – Москва : Наука, 1979. – 360 с.
3. Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
4. Падучева, Е. В. Вид и лексическое значение глагола (от лексического значения глагола к его аспектуальной характеристике) / Е. В. Падучева // *Russian linguistics*. – 1990. – Т. 14. – № 1. – С. 1–18.
5. Потехина, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потехина. – Москва : Гос. учебно-педагог. изд-во, 1977. – Т. 4. – 382 с.
6. Виноградов, В. В. Стиль «Пиковой дамы» / В. В. Виноградов // *О языке художественной прозы*. – Москва : Наука, 1980. – С. 176–239.
7. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
8. Плуноян, В. А. Введение в грамматическую семантику : грамматические значения и грамматические системы языков мира : учебное пособие / В. А. Плуноян. – Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 669 с.
9. Маслов, Ю. С. Избранные труды : Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.

10. Панфилов, В. С. Грамматический строй вьетнамского языка / В. С. Панфилов. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1993. – 412 с.
11. Солнцева, Н. В. Проблемы морфологии изолирующих языков в типологическом освещении : дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Солнцева. – Москва, 1984. – 419 с.
12. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Ю.Шведовой. – Москва : Наука, 1980. – 783 с.

References

1. Schendels EI. Practical grammar of the German language. Moscow: Higher School, 1979:396. (in Russ.)
2. Likhachev DS. Poetics of Old Russian literature. Moscow: Nauka, 1979:360. (in Russ.)
3. Paducheva EV. Semantic Studies. Semantics of time and kind in Russian. Semantics of narrative. Moscow: Languages of Russian culture, 1996:464. (in Russ.)
4. Paducheva EV. Type and lexical meaning of the verb (from the lexical meaning of the verb to its aspectual characterization). Russian linguistics, 1990;14(1):1-18. (in Russ.)
5. Potebnya AA. From notes on Russian grammar. Gos. uchebno-pedagog. izdvo, 1977;4:382. (in Russ.)
6. Vinogradov VV. Style of "Queen of Spades". On the language of artistic prose. Moscow: Nauka, 1980:176-239. (in Russ.)
7. Gasparov BM. Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence. Moscow: New Literary Review, 1996:352. (in Russ.)
8. Plungian VA. Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages: textbook. Russian State University for the Humanities, 2011:669. (in Russ.)
9. Maslov YS. Selected works: Aspectology. General linguistics. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004:840. (in Russ.)
10. Panfilov VS. Grammatical structure of the Vietnamese language. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 1993:412. (in Russ.)
11. Solntseva NV. Problems of morphology of isolating languages in typological illumination: Diss. Dr. Sci. (Philology). Moscow, 1984:419. (in Russ.)
12. Shvedova NY (ed.) Russian grammar: in 2 vol. Moscow: Nauka, 1980;1:783. (in Russ.)

VU Thi Tьin – к. филол. н., доцент, Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете, г. Ханой, Вьетнам.

E-mail: vuthichin191@gmail.com

VU Thi Chin – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., VNU University of Languages and International Studies, Hanoi, Vietnam.

BUI Thu Ha – магистр, Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете, г. Ханой, Вьетнам.

E-mail: buithuha8887@gmail.com

BUI Thu Ha – Master Student, VNU University of Languages and International Studies, Hanoi, Vietnam.